

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 5 сентября 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 5 de septiembre de 1987 № 1936

Н. АЛЕКСАНДРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Объективный анализ происходящих в настоящее время в Советском Союзе процессов никак не может быть ограничен разбором настоящего, с ссылками на прошлое. Перспективы на будущее играют тоже немаловажную — а может быть и важнейшую — роль в определении настоящего смысла сегодняшних процессов.

Вся, так называемая, "горбачевская политика" может получить совершенно разные окраски, в зависимости от того, частью какой проекции на будущее она является. В этом отношении, в основном, могут быть две альтернативы:

1. Проводимые реформы являются осторожным и постепенным демонтажем социалистической системы, своего рода "спуском на тормозах". Суперноменклатура, или какая-то ее ведущая часть, убедилась в невозможности спасения социализма, и пришла к решению, что нет выхода из положения без отказа от него. Однако, из боязни перед неконтролируемыми процессами, в своем ускорении могущими привести к опасным катаклизмам, этот отказ должен происходить постепенно, и, самое главное, с засекреченными конечными целями. Лишь достигнув на каком-то определенном этапе этих реформ их необратимость, и одновременно новое "статус-кво", можно будет открыто объявить об отказе от системы, без риска опасных реакций со стороны тех или иных приверженцев прежнего "статус-кво". Конечно, и в этом случае, такой отказ от системы можно будет — в согласии с давно репетированной техникой — диалектически объяснить как раз достижение целей когда-то поставленных социализмом (например, достигнением нового бесклассового общества), и, в соответствии с этим, объявить "переход на качественно новый исторический этап".

2. Проводимые реформы являются всего лишь вынужденными мероприятиями по необходимому ремонту системы, как раз для ее спасения. Если эти реформы и являются "спуском на тормозах", то это лишь временный и чисто тактический спуск, без отказа от стратегической цели сохранения во что бы то ни стало социалистической системы. Вернее, это не спуск, а всего лишь "шаг назад", для того, чтобы можно было когда-то в будущем снова сделать необходимые "шаги вперед", в сторону утверждения системы. Однако, при этом нельзя упускать из виду медузообразную бесхребетность социалистической системы: не имея окончательно оформленного определения, эта система способна постоянно меняться, как по форме, так и частично по содержанию, сохраняя лишь неизменными свои последствия. Так что, в процессе движения "шаг назад, два шага вперед", даже могут быть выброшены за борт те или иные временные проявления системы,

как это уже делалось не раз. Именно в этом состоит затруднение правильно определить частичные самоликвидации системы: отрешаясь от своего хвоста, ящерица еще не занимается "демонстражем".

Эти две выше намеченные, теоретически возможные проекции "горбачевской политики" зависят от трех групп обуславливающих обстоятельств: от природы и внутренней сути самой системы; от субъективных качеств и положения ее носителей и от объективной "окружающей среды" на этом историческом этапе.

Что касается самой системы, на основании всей ее предыдущей траектории, логично предполагать ее непериодичность (то есть ее "неэволюционность"). С этой стороны, значит, первая проекция отпадает. Однако, абсолютная "неэволюционность" неизбежно ведет к окончательному краху. В этом заключается диалектическое противоречие присущее социалистической системе, которое так или иначе приведет к ее гибели.

В тенетах этого диалектического противоречия и бьются суперноменклатура и вероятно сам Горбачев (простая номенклатура — вряд ли: она занята более непосредственными проблемами). Никто не знает может ли или не может Горбачев перешагнуть в глубине своего сознания (или подсознания) рубикон в сторону первой альтернативы, то есть в сторону демонтажа, а не ремонта, системы. Теоретически допустима возможность соскальзывания из второй альтернативы (ремонта) в первую (демонтажа), как самого Горбачева, так и суперноменклатуры, или какой-то ее части. Таким образом, даже сегодняшний опцион в пользу ремонта, может — при некоторых обстоятельствах — превратиться в опцион в пользу демонтажа, если такое превращение окажется по ходу исторических процессов опционом для избежания гибели самой власти.

Тут мы подходим к третьей группе обуславливающих обстоятельств: объективное положение на данном историческом этапе. Это объективное положение можно свести к двум основным тенденциям: дальнейшая невыносимость для нашей страны и для ее населения экономического застоя и даже развала, и достижения критической точки сопротивления самого населения и его просвещенной части в защиту основных ценностей нашей исторической культуры.

Причем, эти две тенденции на самом деле являются лишь двумя выражениями одной и той же действительности. Даже чисто экономическая и материальная часть каждой культуры тесно связана с ее мировоззренческими ценностями. Нарушение последних неизбежно ведет к ущербу и в области материальной жизни.

В конечном итоге, все возможные проекции дальнейшей политической

линии современной советской власти неизбежно вписываются в уходящие в даль перспективы дальнейших исторических судеб нашей страны. С этой точки зрения, дальнейшее будущее определяется не только субъективно самой властью, на данном этапе еще могущей выбирать те или иные варианты политической проекции на ближайшее будущее, но и дальнейшим развитием объективных исторических процессов.

Дальнейшее будущее зависит не только от проекции на ближайшее будущее, но и от наличия возможных альтернативных моделей для выхода из этих предварительных проекций. Потому что ни одна из двух вышеупомянутых проекций (демонтажа и ремонта) не является сама по себе ответом на будущее. Это всего лишь разные пути подхода к этому дальнейшему будущему. Причем, один из этих путей в действительности является туником, так как все попытки ремонта системы являются лишь блужданием в порочном круге, блужданием, которое когда-то закончится крахом. Так что, путем "демонтажа", или путем "краха", все равно когда-то наступит момент начала "послесоциалистической" эпохи. Это и будет моментом, когда неукоснительно придется выбирать какую-то новую историческую модель, на сцену ушедшей в прошлое модели социалистической.

Между прочим, этот момент потенциально уже наступил. Исторические узловые моменты нельзя свести к хронологическим моментам. Хронологические моменты являются лишь внешним проявлением этих исторических узловых моментов, и в действительности отбрасывают свою тень не только вперед, но и назад. Задолго до исторических переломов их контуры уже вырисовываются на горизонте, как бы маяк к себе. Так что, те выборы, которые приходится неукоснительно делать в такие переломные моменты, по существу начинают делаться задолго до этого. Больше того, в самом процессе такого развивающегося выбора, частично предрешаются не только окончательный выбор, но и хронологический момент его исторической кристаллизации.

В конкретном случае нашей страны, такой процесс развивающегося выбора на первый взгляд представляется не только чрезвычайно трудным, но и опасным. Действительно, палицо нет под рукой готовой (хотя бы в общих контурах) модели на будущее. Если сделать беглый инвентарь имеющихся готовых моделей, то окажется, что палицо всего четыре такие модели: 1. Современная социалистическая модель навязанная нашей стране; 2. Современная западная капиталистическая модель так называемого "первого мира"; 3. Современные гибридные модели "третьего мира"; 4. Непосредственная предыдущая дореволюционная модель нашей стра-

ны. Конечно, это лишь весьма упрощенный перечень этих моделей, так как можно указать, например, что социалистическая модель является в свою очередь лишь ответвлением западной модели. Также можно было бы вспомнить и другие западные модели, корпоративного типа, которые в действительности являются в свою очередь ответвлениями социалистической модели. Да и гибридные модели "третьего мира", как и некоторые попытки создания таких гибридных моделей в русской эмиграции, тоже можно отнести к вариациям механических смесей западных моделей капитализма и социализма, с добавлением некоторых "фольклорных" элементов.

Определяющим моментом в процессе развивающегося выбора будущей постсоциалистической модели для нашей страны является соборное сознание, еще не выявленное достаточно ясно, что после отметания первой (социалистической) модели, следующие две модели тоже органически не подходят для нас. (Что отнюдь не должно помешать возможности применения тех или иных их составных элементов). Последняя из перечисленных моделей, наша дореволюционная модель, тоже невозможна. Не только потому, что прошлое невозможно реставрировать, но и потому что в последнем этапе этого прошлого были вкраплены такие элементы, которые и привели к нашей катастрофе, и которые на будущее необходимо полностью избежать.

Таким образом, остается лишь одна возможность: творческого создания собственной модели на будущее. Конечно, это труднее и сложнее, чем выбрать уже готовую модель, но, одновременно, это по существу гораздо лучше. Такое положение сильно напоминает аналогичные проблемы при преодолении Смутного Времени в 1613 году. На "Совете всея земли" тогда тоже пришлось: 1. Сперва полностью отменить иностранные альтернативы, которые до этого долго муссировались; 2. Творчески создать новые альтернативы, при соблюдении мудрейшего правила: максимального возврата на нашу исконную историческую почву, с максимально возможным сохранением наших преемственных исторических корней. Таким образом, будущая модель для нашей страны должна явиться органическим развитием всех ее предыдущих моделей, начиная с Киевско-Новгородской Руси, и быть одновременно преодолением всех других сегодня существующих моделей. Преодолением, в смысле исторического прогресса и усовершенствования. Для этого у нас имеется существенное преимущество: наша еще живая великая духовная культура, исходя из коренных начал которой легко будет найти правильную ориентацию для нашего будущего.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

ПЕЧАТЬ

ИЗНУТРИ ИЛИ ИЗВНЕ?

"Русская Мысль" от 17 июля воспроизводит издающийся в Москве информационный бюллетень "Гласность".

В нем Л. Тимофеев, в заметке "В чем суть спора Эйдельмана и Астафьева?" высказывается так:

"Вопрос поставлен так: точно ли первоисточники бед, пережитых русским народом в нынешнем веке, находятся "внутри", или они, первоисточники эти, первопричины, были привнесены извне и душе русского народа, русскому национальному сознанию были и остаются чужды".

Ответ может быть только один: ни враги, ни друзья не приписывают русским честь изобретения марксизма. Значит, ясно, семена большевизма пришли из-за границы; а благодарную почву найти и разрастись они смогли благодаря трагической обстановке войны и бессмысленной ссоры между интеллигенцией и правительством.

ВРАТА АДОВЫ

"Русская Мысль" в пароксизмах бессильной ярости кидается на "Память", обливая ее подлой клеветой. "Национал-большевизм!" — орет она. Ну, еще бы! захотели храм Христа-Спасителя восстановить... Экое безобразие! Но, — спите спокойно, читатели! — "La Pensée Russe" не допустит; если уж отстроят, — она вновь разрушит (а что ж? при помощи американцев, — пожалуй...).

Грехи ревнителей русской старины безмерны: не почитают масонов (как это можно, спрашивается?); хуже того, — сказать страшно! — не любят американцев (а кто же будет финансировать левую русскоязычную прессу за рубежом? которой ведь, без субсидий — то, сразу бы и каюк...).

Не диво, если парижский еженедельник испытывает "боль и негодование" и недвусмысленно намекает Горбачеву, что мол пора, пора! положить предел либерализации. Ибо ведь вот, горько жалуется газета, выходят на поверхность всякие неформальные объединения, отражающие стремления неожиданно большого числа советских граждан".

Да, пользуясь конъюнктурой, зазвучал голос русского народа! Не так легко будет заставить его замолчать... А наклеивать ярлык большевизма из-за границы — дело легкое; но кого обманешь? Совершенно понятно, что люди там принуждены и готовы прикрываться ссылками на *лишью партию, заветы Ильича* и прочие шаманские формулы, дабы обезопасить себя от немедленного разгрома и отвоевать себе право сказать, что надо; а может быть, — и сделать, что надо. Военная хитрость, хорошо знакомая всем, кому пришлось жить под иггом сатанинской советской власти.

Дураков нет! Объявить себя, скажем, вслух монархистами, — даже если многие так думают и чувствуют, — время еще не пришло. Но остерегайтесь, "Русская Мысль" со товарищи! Придет и оно.

Мы же пока воскликнем только, ото всей души:

Приди, приди, желанное!

SUUM CUIQUE

Несколько истерические прославления, в том же номере от 31 июля с. г., покойного В. Шаламова преследуют легко разгадываемую цель: противопоставить его авторитету А. Солженицына. Воинствующий атеист, а по убеждениям троцкист, Шаламов настолько ближе, понятнее и симпатичнее смрадно гниющему Западу, и глашатаю оно-го в сфере русской эмиграции, "Русской Мысли"! А он, как никак, тоже мученик большевизма; и даже — тоже писатель. Несравненно менее талантливый, чем Солженицын, — но это уже вопрос второстепенный.

НЕ ПРЕДАТЕЛИ, А ГЕРОИ!

Мы горячо сочувствуем крымским татарам, изгнанным советской властью с их родины, желаем им от души счастливого возврата домой и восстановления всех прав. Мы понимаем даже, что им приходится, для достижения справедливой цели, говорить советским *деревянными языком*, а то и лгать. И однако, отвратительно читать (в "Русской Мысли", — а она и рада!) когда их представители клеймят изменников родины, отрекаются от них, одобряют расправу над ними.

Всем известно, что татары в Крыму приняли немцев как освободителей от большевизма. За что тут их винить? Зато и немцы к ним хорошо относились. Из них был сформирован татарский легион, воевавший с честью, эвакуировавшийся при наступлении красных, и влившийся в нашу вторую волну эмиграции. Многих из них я встречал за границей, некоторые участвовали во владостских и даже в монархических организациях. Если это их теперешние татары называют *предателями*, сие есть грязная, гнусная ложь. Они боролись за свободу и счастье своих земляков; постыдное дело оскорблять тех, кто еще жив, и память тех, кто умер!

Среди оставшихся в СССР татар наверняка есть многие, чьи отцы и братья, или даже чьи дети, разделили с нами, бойцами РОА, антипартизанских отрядов и других военных соединений, общую участь борьбы против коммунизма и потом горький хлеб изгнания.

Неужели у них язык поворачивается отречься от родных и близких?

САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ

Г. Андреев формулирует полную солидарность "Русской Мысли" со "Страной и Миром". Возможно, тут действует ведомственный принцип и социальный заказ неких могущественных сил. Но все же... "Страна и Мир" есть орган новейшей эмиграции, — отнюдь не всей, а самого левого ее сектора; — в силу чего создается некоторая специфика (что не оправдывает, но отчасти объясняет направление мюнхенского журнала).

"Русская же Мысль" вроде бы адресована не одной третьей, а и первым двум волнам. А занимает она, — и вот теперь уже с полной очевидностью, — позиции, с которыми в доповейшей эмиграции согласятся разве что считающиеся лица.

В частности, газета целиком становится на сторону Н. Эйдельмана, отстаивающего обидные антирусские тезисы, и против В. Астафьева, который защищает русский народ. И надо оговориться, что тут русофобы не могут даже спрятаться за свою якобы любовь к евреям: честный и разумный еврей Ю. Штейн как раз выступление Эйдельмана решительно осудил; за что Г. Андреев его резко бранит.

Трудно даже поверить что гг. Иловайская, Померанцев и др. говорят искренне. Если они и впрямь так думают — их взгляды чудовищно извращены. И тогда они, вместе с Г. Андреевым, только и заслуживают нашего презрения. Если же их *заставляют* так говорить, — пожалеем их.

БЕРДЯЕВ И КОММУНИЗМ

В загадочном письме в редакцию, некий Г. Семенов из Бордо восклицает: "Спасибо вам, Кирилл Померанцев, что вы привлекли наше внимание к Бердяеву, к его глубокому, дальновидному и пророческому анализу нашего времени. Что касается первого явления современного мира, то есть коммунизма, то можно только преклониться перед Бердяевым — и быть согласным с вашими комментариями".

Мы знаем, что Бердяев под конец жизни стал убежденным совпатриотом, и даже вывесил над своим домом красный флаг, к неудовольствию французов, его соседей. Если *это* означало глубокое понимание сущности коммунизма, — сохрани нас Бог от подобного понимания!

ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ

В "Континенте" № 52 сообщается:

Сотрудница "Синтаксиса" Глория Мунди адресует В. Максимова такие замечания: "Слов нет, пишете Вы, конечно, ужасно. Как дворник. Это все знают. Но дело в том, что, в отличие от Солженицына или Владимова, Вы всегда плохо писали. И, боюсь, это у Вас уже не пройдет. Целую ручки". На что он отвечает: "Вы лично и Ваши вдохновители из "Синтаксиса" пишете еще хуже... Ручек Ваших, к сожалению, не целую, я слишком брезглив".

Глория Мунди (нельзя сказать, чтобы дама, избравшая себе подобный псевдоним, отличалась скромностью!) не совсем права: сперва Максимов все же писал гораздо лучше, о чем свидетельствуют "7 дней творения" и "Карагтин".

Но теперь, действительно... А вот в том, что сотрудники "Синтаксиса", включая и А. Сивянского, пишут еще намного хуже, — он! совершенно правильно судит.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ЭДИЧКА

В том же номере М. Леихин рецензирует произведение Э. Лимонова "Палач" (Иерусалим, 1986):

"Читать новую книгу Лимонова

скучно... И только профессиональные соображения подталкивали меня дочитать роман до конца. Я переворачивал страницу за страницей, а происходило все то же самое. Герой с кем-нибудь совокуплялся. Или думал об этом. Или, например, отпирывался в магазине, чтобы купить целлюлозный член. Или какой там — резиновый?

Лимонов похож на своего героя не только в мелочах, привычках, пристрастиях. Сходство между автором и персонажем книги в другом — в абсолютной и открытой безнравственности.

В последнее время Лимонов опубликовал несколько текстов, основное содержание которых — злоба.. Герои этих текстов — Бродский, Солженицын, Тарковский, Шемякин. Его чернильница, как гейзер, извергает из себя потоки желчи, и эту субстанцию он равномерно направляет на всех, кто знаменит, известен, кто на виду, — ибо, так вероятно он считает, они заняли его, Лимонова, место".

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ

В "Новом Журнале" № 165, Ю. Кашкаров, в романе "East-West", воспроизводит разговор постояльцев в рижском пансионе на взморье, в счастливые дореволюционные времена. Выпишем отрывок:

"Должно жара — откликается, зевая, Тихонравова — я вся теку. Мочи нет".

На предпоследнем слове нехудо бы проставить ударение. А то ведь, в данном контексте, можно почитать по разному!

ЛОЖЬ НАД ГРОБОМ

По случаю смерти в Париже И. А. Кривошеина, его друзья и единомышленники, включая Л. Копелева, В. Некрасова, Р. Орлову, А. Сивянского, М. Розанову и Е. Эткинда, публикуют в "Русской Мысли" от 14 августа с. г. некролог, содержащий слова: "Когда наступили годы холодной войны, его выслали из Франции". Экие, подумаешь, нехорошие французы! Ну, а *за что* его выслали (в Советскую Россию) — не упомянуто.

Было же сие за участие в "Союзе Советских Граждан" и в издании газеты "Советский Гражданин". Добавим, что одним из главных проявлений активности совпатриотов, в рядах которых Кривошеин играл первостепенную роль, являлась охота за нами, новыми эмигрантами и сообщение наших адресов советской миссии, после чего нас хватили и с нами расправлялись.

Участвовал ли Кривошеин в подобных акциях, уточнить не беремся. Но несомненно, что не зная о них или целиком стоять от них в стороне он не мог никак.

Теперь вот перечисленные выше его поклонники называют его *рыцарем без страха и упрека (!)*. Такое определение можно к нему применить только в той же мере как к Дзержинскому или Ежову. Руки покойного были в невинной крови; в ней он даст ныне ответ Всевышнему.

Что сказать об эмигрантской газете, не стыдящейся этикие словословия печатать?!

О. СЕЧИНА

СОВЕСТЬ РУССКОГО НАРОДА

По разве это жизнь, когда в цепях
По разве это выбор если скован,
И если бы оковы разломать,
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Нас узами цепей к хвалебой
жизни...

В. Высоцкий

Подлинный поэт земли русской, Владимир Высоцкий, пел о том, о чем думал. Этим, пожалуй, и объясняется его колоссальная популярность в русском народе. Известно, что Высоцкий в своих выступлениях всегда чередовал серьезные песни, песни призыва и протеста с шуточными. Но и в этих, казалось бы, "несерьезных" песнях, под видом шуток, аллегорий и иносказаний, всегда просвечивала смелая борьба за правду.

Россию, свою родину, он любил беззаветно, защищал, как мог и не давал никому в обиду; он никогда не продавался и не сдавался.

Ты бунтовал, попробуй приручить,
Тебе б орать на новгородском вече.
Пытались тебя суки подкупить,
Но ты смеялся им в лицо: "Еще не вечер".

(В. Скоров)

Можно сказать, что все его песни в той или другой степени, правдиво и в деталях, передают суть горькой советской действительности, народной боли, лжи, лицемерия и рабства.

О чем только не писал Высоцкий. Об обманутом народе, о "стукачах", о "черных воронах", о лагерях, застенках, о разбитой короне, о комиссарах, следователях и прокурорах, об оковах, калдалах, плахах, петлях и расстрелах.

Зачастую Высоцкий сочиняет несколько песен на одну и ту же тему. Например, цикл "Лошади", "Охота на волков", цикл "История страны — история болезни" и другие. Иногда пропев один цикл под тем или иным названием, Высоцкий сам разоблачает, например, кто такие волки, за которыми гонятся собаки, а егеря заграждают дорогу к свободе красными флажками, после чего расстреливают волков. Чтобы ни у кого не закралось сомнение он, в конце концов, говорит:

Да это ж про меня, про всех про нас
Какие, к черту, волки!

В некоторых песнях, он изумительно прямо, без всяких обиняков говорит о том, что ему не давало покоя. В одной из его песен, он совершенно недвусмысленно выражает так:

Разлетелся корона,
Нет державы, нету трона.
Жизнь России и законы — все к чертям

И мы, словно загнанные в норы,
Словно пойманные вору,
Только кровь одна с позором пополам
И нам, ни черта не разобравшись
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься — не

понять.
Где дух, где честь, где стыд,
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили.

Неужели на Россию нам плевать...

В настоящее время многие другие русские поэты сочиняют патристические песни, направленные против существующего режима, но ни одна из них не может сравниться по силе с песнями Высоцкого. Как он сам рассказывает, его песни рисуют самые крайние и безвыходные ситуации, когда люди находятся на грани смерти. Все, что думал Высоцкий о России и о русском народе, заключено в его стихах. Стихи эти усиливаются ритмом и интонацией. Причем, он всегда стремился употреблять простые, понятные слова и выражения, подбирая к ним несложную мелодию: своей песней он хотел проникнуть не только "в уши, но и в души" народа, что ему, несомненно, удавалось.

Все эти песни выражают одну и ту же боль, один и тот же протест. В них во всех сквозит любовь к России и вера в нее. После его смерти поэты-друзья посвящают Высоцкому много стихов и песен, в одной из них говорится так:

Но сколько песен все бы мы не

Его нам одного не заменить.

(А. Городницкий)

Следует отметить, что Высоцкий был всесторонне образованный человек, обладавший самыми разнообразными познаниями. Он прекрасно знал всемирную литературу, не говоря уже о русской, знал басни, былины, притчи, сказания, восточные сказки, легенды, был хорошо осведомлен в ядерной физике, геологии, археологии, истории, генетике, интересовался фантастическим миром и всегда к месту применял международные события.

Из его творчества видно, что Высоцкий обладал колоссальным запасом слов; язык его богат и разнообразен; полон синонимов, метафор, пословиц, народных выражений, не только на русском, но также и на других языках. Вообще нужно заметить, что Высоцкий в вы-

ражениях особенно не стеснялся — чувствовал себя совершенно свободно, употребляя, в частности, блатной язык и язык заключенных. И это вполне понятно, так как правдиво описывая советский быт, совершенно невозможно сделать это уютным, литературным языком. Точно также, художник не может написать картину гибели судна, во время бури, нежными, бледными, ласкающими глазами, красками; или же, как например, нельзя сыграть на сцене роль убийцы в момент преступления с спокойным лицом и плавными движениями.

Ясно, что Высоцкий должен был употреблять язык, на котором говорят заключенные в тюрьмах и лагерях, в ссылках, на допросах, в застенках, в эшелонах, перед расстрелом и т. д.

Эти нечеловеческие условия породили новые слова и выражения, создали свой язык, которым широко пользовался поэт.

После гибели Высоцкого, советская власть пытается использовать всеобщую популярность и любовь к мастеру слова и песни в свою пользу. Они даже выпустили сборник песен Высоцкого, но в него вошли наиболее "спокойные" песни и то — измененные цензурой и искаженные в пользу власти. Советская власть старается посмертно укротить и причесать Высоцкого, но это ей не удается.

Своими песнями Владимир Высоцкий сумел поднять дух порабожденного народа и укрепить в нем веру.

У Высоцкого одна песня лучше другой и каждая хороша по своему. Миллионы любителей песен Высоцкого, его поклонники, бережно хранят эти жемчужины творчества на магнитных пленках

Творчество Высоцкого нашло глубокий отклик, в душе русского народа на родине, а также и в Зарубежье. Высоцкий увековечил свое имя и никогда России не забыть его.

Поэт неоднократно предсказывал свою кончину, но всегда смело шел вперед. К глубокому сожалению предсказания сбылись и песня его оборвалась...

... не окончена времени повесть
И ни племени нет, и ни рода,
Лишь на совесть зарытая совесть,
На Вагашково — справа от входа.

(А. Ткачев)

О. СЕЧИНА

Языковые Уродства

ОБ ИМЕНАХ ДИАВОЛА

Никак не могу согласиться с г-жей Александровой, предлагающей (вернее, требующей) в "Нашей Стране" № 1930, писать имя Сатана с маленькой буквы. Ибо:

1. *Satana* есть личное имя, притом не русское, а иностранное. Это только большевики пишут не только *Бог*, но и *Аллах* с маленькой (а уж *Аллах* по-русски, бесспорно, собственное имя; сказать "разные аллахи и будды" можно лишь в порядке грязного богохульства). Намерение выразить свою антипатию к нечистой силе употреблением маленькой буквы представляет собою крайне наивный магический прием. Мы не любим ни Сталина, ни Ленина; но их имена не искажаем. Вот слова *черт* и *бес* суть название целых категорий: "Имя мне легион". Что до слова *дьявол*, то и оно, когда применяется к верховному демону, должно бы писать с заглавной буквы; а со строчной только когда его можно, по смыслу, заменить словом "бес";

2. Пусть г-жа Александрова почитает Священное Писание, по-русски или на любом европейском языке. Она увидит, что там и *Сатана*, и *Детница* написаны с большой буквы. Например: "Vade retro, Satan!" Или уж М. Александрова мнит себя вправе исправлять святых апостолов и редактировать Ветхий и Новый Заветы?

Так же и сочетания *Отец Лжи* или *Сын Погубели* подобает писать с большой буквы, ибо они относятся к одному определенному лицу. Как это и делается в отношении прозвищ исторических персонажей: *Орлеанская Дева*, *Отец Отечества*. Это же приложимо и к историческим явлениям, — независимо от нашего одобрения или порицания: *Красная Армия*, *Белое Движение*. Если сказать *красная армия*, это может относиться к отряду красных муравьев, краснокожих индейцев или одетых в красные мундиры англичан; а *белое движение* могло бы означать борьбу белых против цветных. Заглавная буква служит для указания, что речь идет об уникальных, локализованных во времени явлениях.

Напомню еще, при сем случае, что первоначально Дух Зла (еще одно из его имен!) был ангелом, почему и звался *Детница* или *Люцифер*, сиречь "светопосец". После же падения, получил он, прозвище *Сатан*, то есть "враг" и греческое *Диавлос*, то есть "Отрицатель". Исконно русское *бес* связано (как показывают родственные языки) с идеей "страха", "боязни" и означает, примерно, "ужасный", "пугающий". Тогда как *черт* выражает мысль "проклятый" или, возможно, "злойный".

Вот как обстоит дело с наименованиями темных сил, которые всегда вокруг нас и ищут нашей гибели. Правильно их называть есть один из путей в них разбираться для того, чтобы с ними бороться; *неправильное* же употребление имен есть, именно, опасное *искушение*.

Аркадий Рахманов

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

РЕМОНТ СОЦИАЛИЗМА

...Дела двигаются в СССР в нужном нам направлении, то есть к будущей России, независимо от того, что хочет или не хочет Горбачев и его опора — суперноменклатура. То, что суперноменклатура не едина — тоже признак ослабления власти и, особенно, то, что она *вынуждена самоочищаться* от людей, желающих статус-кво и нежелающих *ремонтировать* социализм. Это значит, что большинство суперноменклатуры поняло, что ничего не делать очень опасно и нужно незамедлительно искать выход из тупика во избежании неконтролируемого развала...

Ввиду все более учащающихся краж чеков из простых писем, редакция настоятельно просит подписчиков все "моней ордеры" или чеки **исключительно в заказных письмах.**

